

UNITED WISDOM

Дегуманизация: как человека превращают в категорию

Отношения и близость

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R-29-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Дегуманизация: как человека превращают в категорию

Эпиграф

цветовая граница

У. Э. Б. Дюбуа, «The Souls of Black Folk», предисловие, 1903. Наш перевод краткого исторического обозначения расового разделения. Контекст американского опыта автора сохраняется; название не используется как универсальная характеристика любого различия между людьми.

О чём эта статья

В группе добровольцев обсуждают опоздавшую доставку. Известно, кто должен был привезти коробки, но неизвестно, что случилось в дороге. Один участник вспоминает происхождение исполнителя, другой соглашается с общей характеристикой людей этого происхождения. Дальше конкретный человек почти исчезает из разговора. Его действие объясняют принадлежностью, а любую подробность заранее принимают как подтверждение того, какими бывают такие люди.

Это авторский пример, не наблюдение определённой группы. Доставка действительно могла быть сорвана по вине исполнителя. Но для такого вывода нужны сведения о задаче, действии и последствиях. Категория не выполняет эту проверку. Она может обозначать важную часть жизни человека, однако не сообщает заранее обо всех его решениях и не определяет меру уважительного обращения. Когда объяснение перестаёт допускать конкретность, меняется не только описание события, но и место человека среди остальных.

Статья рассматривает этот переход. Мы не диагностируем людей или сообщества, не угадываем намерения и не предлагаем обязательное знакомство с опасным участником. Нас интересует различение категории, поступка и целой человеческой жизни. Как вернуть предметность, если принадлежность уже стала готовым ответом? Как сохранить право критиковать действие, не объявляя человека существом иной ценности? Такой вопрос нужен и для общения, и для точного решения о дальнейшей совместной работе.

I. Категория может помогать описанию и закрывать его

Категории нужны для многих задач. Они позволяют обсуждать профессию, язык, возрастной опыт, обязанности и исторические условия. Само наличие названия группы ещё не означает дегуманизации. Вопрос в том, какую работу выполняет название в конкретном объяснении. Оно указывает на проверяемое обстоятельство или заменяет сведения о человеке? Помогает задать вопрос или заранее устанавливает ответ? Такое различение позволяет исследовать использование категории, не запрещая любой общий язык и не объявляя важные для людей формы принадлежности автоматически вредными.

В примере происхождение исполнителя может быть известно, а причина опоздания — нет. Если первое используют как полный ответ на второе, неизвестное исчезает без проверки. Кажется, что человек уже понятен. Но объяснение осталось недоказанным, даже если звучит уверенно и другие участники его узнают. Можно вернуть первоначальный предмет: была задача доставки, были условия и произошло опоздание. Происхождение не устанавливает последовательность действий, поэтому сведения об этой последовательности нужно получить отдельно, если они действительно необходимы для решения команды.

Закрывающее использование категории можно заметить по невозможности исключения. Любой факт заранее получает одно значение. Хорошее действие объявляют случайностью или уловкой; ошибка подтверждает общий тип; отказ обсуждать происхождение выглядит ещё одним доказательством. Такая схема не делает человека различимым. Она сохраняет готовую характеристику независимо от фактов. Это наблюдение относится к устройству рассказа, а не к тайной причине в сознании рассказчика. Нам не нужно угадывать внутреннюю ненависть, чтобы показать, где объяснение перестало допускать действительное уточнение.

При этом один неосторожный оборот не устанавливает всю схему. Собеседник мог плохо выразить мысль, иметь другую задачу или исправить фразу после уточнения. Поэтому полезно спросить о предмете: что именно известно о действии и какое значение имеет названная принадлежность? Ответ может показать неподтверждённый перенос или вернуть конкретное обстоятельство. Такая проверка точнее немедленного назначения нового ярлыка самому рассказчику. Иначе слово о дегуманизации стало бы ещё одной категорией, которая заранее закрывает сведения о человеке и его дальнейшей реакции.

II. Поступок не раскрывает всю человеческую ценность

Критика действия имеет предмет. Человек не привёз коробки к сроку, сообщил неверные сведения или нарушил важную договорённость. Эти утверждения могут быть истинными и иметь последствия для сотрудничества. Из них не следует, что человек перестал обладать человеческой ценностью или что вся группа его происхождения устроена одинаково. Масштаб вывода требует основания. Можно установить нарушение и изменить участие, не расширяя событие до общего ответа о сущности личности, её близких и всех людей, которых привычно помещают рядом с ней.

Предметность не требует мягкого отношения к вреду. Опасное действие может нуждаться в остановке, дистанции и подходящей помощи. Признание человечности не обязывает продолжать контакт и не отменяет защиты пострадавших. Наше различение касается того, что считается известным и как объясняется решение. Дистанция может опираться на угрозу и поведение, не нуждаясь в утверждении о низшей природе участника. Если задача требует профессиональной или правовой процедуры, её условия рассматриваются отдельно; эта статья не заменяет такую проверку общим нравственным рассуждением.

Иногда общий приговор кажется сильнее конкретной критики. Он позволяет не возвращаться к обстоятельствам и не различать будущие действия. Но сила формулировки не делает её точнее. Даже повторяющееся нарушение нужно описать: что повторилось, в каких условиях и какое решение из этого следует? Такая последовательность может привести к строгому ограничению. Строгость не требует превращения человека в категорию, которая объясняет всё заранее. Более того, предметное основание позволяет понятнее показать, почему граница нужна именно сейчас и чего она касается.

Нельзя также требовать безошибочности как условия человечности. Если уважительное обращение доступно лишь до первого неудобного действия, оно остаётся условным подарком наблюдателя. Это не значит, что любой поступок должен получать одинаковый ответ. Последствия различаются, а достоинство не обязано становиться наградой за их отсутствие. Мы можем спорить, ограничивать сотрудничество и требовать исправления, сохраняя различие между действием и общей ценностью лица. Такое различие особенно важно, когда нарушение реально: оно позволяет не подменять необходимую ответственность лишним приговором всей жизни.

III. Исторический голос нельзя растворять в общей метафоре

В «The Souls of Black Folk» Дюбуа пишет об американском расовом разделении и опыте чернокожих людей. В главе IX он связывает предубеждение с оценкой человека через принадлежность вместо действий. Это исторический политический и автобиографический текст. Дюбуа, главы I и IX. Мы сохраняем его конкретный предмет и не представляем выбранный контекст как экспериментальную модель всех современных конфликтов.

Для нашего авторского примера историческое чтение служит вопросом к переносу. Что мы узнаём о действии из названия категории, а что лишь предполагаем? Ответ требует своей проверки. Нельзя объявлять задержку доставки эквивалентом многолетнего расового угнетения. Нельзя и обесценивать исторический опыт, используя его только как красивое сравнение для небольшого неудобства. Масштаб и обстоятельства различаются. Полезное сопоставление оставляет эти различия видимыми, вместо того чтобы дать нашему примеру заимствованную историческую тяжесть, которой его собственные факты ещё не подтверждают.

В тексте встречаются исторические расовые обозначения и обобщения. Мы не переносим их в описание сегодняшнего человека как научные категории или принятые нормы. Короткий фрагмент о братстве относится к конкретному стремлению автора в главе I. Он не требует стирать различия и выбранную принадлежность ради отвлечённого единства. В особенности нельзя сделать из него условие уважения: сначала откажись от важной части своей истории, а затем получишь признание. Так общий образ единства сам превратился бы в способ не видеть человека в его действительных обстоятельствах.

Различение жанра сохраняет и значение источника. Исторический автор может поставить вопрос, который остаётся содержательным для нашего чтения, без превращения всех его положений в современную научную истину. Мы используем ограниченный участок и два кратких фрагмента, а не утверждаем чтение всей книги. Из уважения к голосу следует точность: какой опыт он описывает, в какой истории и на каком основании мы переносим вопрос в другую ситуацию? Ответ на последнее принадлежит нашему анализу, а не автоматически подтверждается известностью произведения.

IV. Незнание чужого смысла не является знанием его отсутствия

В очерке «On a Certain Blindness in Human Beings» Уильям Джеймс рассматривает ограниченность нашего понимания того, что значимо для других. Это философское рассуждение, не современная диагностика читателя. Джеймс, Talks to Teachers, часть Talks to Students, II. Выбранная рамка помогает оставить различие между непонятностью чужого опыта и утверждением, что у другого вообще нет собственного смысла.

В нашем примере мы не знаем, как исполнитель понял поручение и что случилось по дороге. Это не даёт оснований придумать оправдывающую историю. Но и пустое место нельзя заполнить характеристикой категории. У незнания есть точный предмет: такие сведения пока отсутствуют. Его можно сохранить, получить нужный ответ или принять ограниченное решение без него. Такое решение следует объяснить наличными фактами. Человек не становится менее человеком из-за того, что мы не располагаем полной внутренней картиной его жизни или не готовы исследовать её.

Внимание к смыслу также не обязывает принимать всякое объяснение за истину. Рассказ участника может быть неполным, ошибочным или расходиться с известной последовательностью. Его можно проверять по предмету. Признать возможность собственного опыта — не значит дать объяснению неограниченную власть над фактами остальных. Здесь нужно сохранить две стороны: у человека есть право быть различимым, а у совместной задачи есть действительные условия. Ни категория, ни субъективная история по отдельности не должны отменять проверку действия, договора и последствий, если эта проверка нужна.

Мы также не обязаны узнавать всю биографию, чтобы отказаться от лишнего приговора. Часто достаточно ограничить вывод тем, что известно. Это важно в ситуации дистанции: можно не продолжать разговор с опасным участником и не наделять его воображаемой сущностью. Можно сказать, что контакт сейчас небезопасен, не заявляя знания обо всех людях его группы. Ограниченность сведений не должна превращаться в обязанность рискованного сближения. Философское внимание получает практическую границу, когда оно сохраняет точность и возможность защиты одновременно, вместо требования полного понимания любой ценой.

V. Язык может оставлять действие видимым

Сравним два способа описания доставки. В одном названы срок, обязанность и опоздание. В другом названа категория людей, которым якобы свойственно такое отношение. Первый способ допускает уточнение. Второй уже содержит общий ответ. Это авторское различение, не правило о том, что любая грамматическая форма автоматически причиняет определённый вред. Значение зависит от контекста. Однако полезно проверить, оставляет ли фраза место для фактов, отличающихся от готовой оценки, и можно ли из неё понять конкретный предмет следующего действия команды.

Предметный язык не обязан быть бесцветным. Можно назвать недовольство, серьёзность нарушения и необходимость изменения. Не нужно скрывать эффект, чтобы обращение оставалось уважительным. Напротив, ясное описание последствия может сделать разговор строже: из-за задержки сборка началась позже, поэтому следующий этап требует другого срока. Здесь есть связь, которую можно проверить. Общая характеристика непригодных людей звучит сильнее, но сообщает меньше о том, что произошло и как будет устроена дальнейшая работа. Уважение и содержательная критика могут существовать в одной формулировке.

Полезно также различать имя, роль и категорию. Исполнитель доставки имеет определённую обязанность; человек имеет больше ролей; происхождение может быть значимой частью истории. В данной задаче не все сведения равно нужны. Если обсуждается срок, роль исполнителя обычно относится к предмету прямо. Происхождение может не относиться к нему вовсе. Но это нужно проверить, а не принять универсальное правило о полной незначимости культурного контекста. Иногда язык инструкции или разные ожидания имеют отношение к событию. Их можно назвать конкретно, не делая категорию окончательным ответом обо всём человеке.

Изменение языка требует и изменения вывода. Если убрать грубый ярлык, но продолжать считать каждый будущий поступок заранее известным, человек остаётся закрытым для фактов. Поэтому проверка касается не только вежливых слов. Что могло бы изменить наше мнение о конкретном действии? Какие сведения мы готовы рассмотреть? Есть ли понятное основание для ограничения сотрудничества? Эти вопросы позволяют увидеть, произошёл ли содержательный переход к предметности. Красивое обозначение категории само по себе не возвращает различимость, если процедура продолжает использовать её вместо исследования действительной ситуации.

VI. Принадлежность может быть выбранной и значимой

Не всякая категория навязана извне. Человек может сам называть язык, общину, профессию или историческую связь, важную для него. Отказ от дегуманизации не требует считать такую принадлежность поверхностной оболочкой. Она может поддерживать смысл, общение и совместное действие. Вопрос возникает, когда один признак принудительно заменяет весь опыт или определяет заранее допустимые решения. Поэтому нужно различать выбранное обозначение и назначенную тотальность. Уважение оставляет человеку возможность описывать свою связь, уточнять её значение и не быть единственным представителем всех, кого наблюдатель относит к той же группе.

Выбранная принадлежность не даёт права выводить одинаковые мнения всех участников. Один говорит от себя, другой имеет конкретный представительский мандат, третий рассказывает о знакомом круге. Эти роли различаются. В обычном разговоре полезно спросить, о каком опыте идёт речь, не требуя отвечать за всех. Если человек не хочет объяснять свою культуру, отказ не делает её пустой или подозрительной. Мы можем признать собственное незнание и выбрать подходящий источник для отдельного исследования, не превращая собеседника в обязательного поставщика общей карты незнакомой нам традиции.

Принадлежность может иметь и действительные последствия в институтах или отношениях. Наш локальный пример не описывает всю такую историю. Из точного разговора об одном опоздании не следует исчезновение более широкого неравенства. Но и знание общего неравенства не устанавливает автоматически поступок конкретного участника. Оба масштаба могут быть важны, если каждый имеет достаточное основание и свой вопрос. Сохранять различимость — значит не отменять исторические условия и не использовать их как полную биографию каждого человека, которого рассматривают в современной ситуации совместной работы.

Иногда разговор требует именно общей категории, например когда обсуждают доступность инструкции на разных языках. Тогда можно назвать цель и предел обобщения. Нас интересует возможность понять материал, а не внутренняя сущность носителей языка. Такой предмет позволяет проверять формат и учитывать разные ответы. Обобщение остаётся рабочим, пока допускает уточнение и не подменяет цельную личность. Оно превращается в закрывающее, когда из языковой потребности выводят заранее известное отношение к труду, нравственность или способность человека решать все остальные задачи без отдельного рассмотрения.

VII. Граница не нуждается в унижении

Допустим, проверка подтвердила повторяющееся нарушение срока. Команда может изменить распределение работы или прекратить поручать доставку. Основание относится к задаче и риску её выполнения. Это не требует утверждения о том, что человек не достоин общаться вообще. Конкретная граница может быть ясной и твёрдой, оставляя другие вопросы открытыми. Мы не обязаны сохранять сотрудничество ради красивого образа единства. Важно объяснить, какое действие ограничивается, на основании каких сведений и в каком масштабе, вместо расширения решения на всю человеческую жизнь или общину участника.

В некоторых ситуациях объяснение границы само может быть небезопасным или невозможным. Тогда признание человечности не означает обязанность вступать в подробный диалог. Можно выбирать дистанцию и доступную помощь с учётом условий. Эта статья не устанавливает универсального порядка поведения при угрозе. Её предмет — отсутствие необходимости унижать целую категорию для признания конкретной опасности. Если требуется действовать быстро, отсутствие полного понимания не мешает защите. Но быстрое действие также не превращает все наши предположения о природе человека в подтверждённые знания для будущего рассказа другим.

Граница помощника тоже имеет значение. Участник, которого просят разъяснить чужое поведение, может не знать подробностей или не иметь права их сообщать. Не нужно обвинять его категорию в недостаточной открытости. Можно принять ограниченный ответ и вернуться к доступным сведениям. Защита приватности не подтверждает общего мотива скрытности; она относится к определённой роли и ситуации. Так предметность помогает и обсуждению нарушения, и уважению к тем, кто оказался рядом, но не является ответственным за действие только из-за предполагаемой близости или общности происхождения.

Неунижающая граница не гарантирует согласия. Человек может считать её ошибочной, оспорить факты или отказаться от дальнейшего обсуждения. Если имеется процедура пересмотра, важно обозначить её действительную возможность. Если нет, не следует обещать её ради вежливости. Можно сохранить точность даже при конфликте: вот решение, вот основания, вот неизвестные части. Это отличается от общего приговора, который закрывает любой ответ заранее. Уважение здесь проявляется в масштабе знания и действия, а не в обязательном приятном чувстве обеих сторон после разговора.

VIII. Проверка собственной версии начинается с её исключений

Полезно спросить, какие сведения о человеке не помещаются в нашу категориальную историю. Мы действительно рассмотрели их или заранее обесценили? Этот вопрос не требует построить положительный образ. Он проверяет, открыт ли рассказ для различий. Если хороший поступок считается маскировкой, а ошибка — раскрытием истины, версия защищена от любого уточнения. Такая защищённость не является доказательством. Она показывает ограничение способа объяснения. В собственном анализе это можно назвать до того, как появится желание обвинить собеседника в неправильном чувстве или потребовать немедленного полного изменения его отношения.

Затем нужно вернуться к задаче, а не искать исключения ради оправдания. Один хороший поступок не отменяет подтверждённой задержки. Он может ограничить общий вывод о том, что человек всегда безответственен. Разные сведения отвечают на разные вопросы. Если мы обсуждаем текущую доставку, нужно её объяснение. Если оцениваем повторяющееся сотрудничество, важны несколько действительно известных эпизодов. Но ни один перечень не становится знанием всей человеческой сущности. Проверка может быть достаточно строгой для решения задачи, не претендуя на окончательный нравственный портрет.

Уточнение иногда меняет и собственную роль. Я повторил характеристику, которую не мог подтвердить; я добавил происхождение к рассказу о сроке; я передал общий приговор другим. Это конкретные действия, которые можно исправить. Не нужно делать из себя нового представителя категории плохих людей. И не нужно требовать, чтобы пострадавший подтвердил нашу доброту. Можно скорректировать сведения, ограничить вывод и обозначить дальнейшую возможность обсуждения. Ответ собеседника принадлежит ему. Исправление не получает гарантированного эмоционального результата, но может уменьшить наше собственное участие в распространении неточного описания.

IX. Возвращение человека не требует полной близости

Видеть человека конкретнее — не обязательно знать его подробно или продолжать отношения. Иногда достаточно перестать выводить неизвестное из категории. Можно не доверять исполнителю конкретную задачу, не утверждая знания обо всех людях его происхождения. Можно признать причинённый вред, не объясняя его неизменной природой целой группы. Можно не принимать оправдание, если оно расходится с фактами. Все эти решения сохраняют место для предметного различения. Близость, доверие, сотрудничество и признание человеческой ценности отвечают на разные вопросы и не обязаны появляться вместе в одной ситуации.

Это различение важно для тех, кто столкнулся с вредом. Призыв увидеть человека не должен становиться новым требованием к пострадавшему: пойми обидчика, поговори с ним и помоги ему измениться. Такой выбор может быть возможен, но не обязателен. Отказ от дегуманизирующей версии можно осуществить и через точность собственного описания на расстоянии. Не нужно разбирать чужую внутреннюю жизнь, чтобы назвать известное действие. В особенности универсальное единство нельзя использовать как основание лишить человека права на защиту, приватность или прекращение контакта, который он не выбирает.

В примере добровольцы могут проверить доставку, исправить необоснованное обобщение и принять решение о следующем событии. Исполнитель остаётся конкретным участником, даже если дальнейшая роль изменилась. Группа не обязана объявлять его безупречным ради исправления своих слов. Это ограниченный результат: категория перестала отвечать на все вопросы, а факты снова имеют значение. Не обещается окончательное примирение. Возвращение различимости важно потому, что делает и критику, и защиту более предметными, оставляя человеческую жизнь шире сегодняшнего решения о коробках и времени их появления.

X. Различимость сохраняет ответственность и достоинство

Дегуманизация в нашем анализе обозначает переход, при котором человека закрывают внутри категории и обращаются с ним как с заранее понятным типом иной ценности. Это рабочее нравственное различение, а не поставленный диагноз. Его применение требует контекста и проверки. Не всякое обобщение выполняет такую функцию, не всякое ограничение сотрудничества унижает, а не всякое несогласие отказывает в человечности. Точность термина важна именно для того, чтобы он помогал замечать переход, а не превращался в универсальный приговор любому неудобному разговору.

Историческое чтение и философская рамка дают вопросы, а собственная ситуация — сведения для ответа. Что относится к роли? Что известно о действии? Какую часть опыта

мы лишь предполагаем? Каков масштаб решения? Такие вопросы не требуют полного знания человека. Они требуют не делать неполноту основанием для закрытого портрета. Ответ может быть строгим, дистанция — необходимой, а сотрудничество — прекращённым. При этом конкретная ответственность сохраняется вместе с достоинством, вместо выбора между полным оправданием и полным исключением человека из общего человеческого мира.

Вернёмся к первоначальному обсуждению. Доставка опоздала; причину проверяют; вывод о происхождении перестаёт заменять факты. Если исполнитель нарушил ясную обязанность, это можно назвать. Если условия были неясны, их можно уточнить. Если сведений недостаточно, неизвестное остаётся неизвестным. Каждое решение имеет свой предмет. Так человек снова становится различимым: его действие не исчезает, категория не становится судьбой, а уважение не требует ни обязательной близости, ни отказа видеть действительный вред. Ограниченный шаг в разговоре не решает всю историческую несправедливость, но перестаёт добавлять к ней неподтверждённую тотальность.

Что это значит на практике

Выберите одно собственное описание действия, где присутствует категория людей. Уточните предмет: какая задача, какой поступок и какие последствия известны? Отдельно отметьте сведения, которые вы выводите только из принадлежности. Не считайте узнаваемость фразы подтверждением. Проверьте, оставляет ли ваша версия место для фактов, которые могли бы изменить масштаб вывода.

Переформулируйте один общий приговор в описание действия и основания решения. Не смягчайте подтверждённый вред ради вежливости. Но и не добавляйте знание всей личности, которого нет. Если нужна граница, объясняйте её через задачу, поведение и действительный риск, когда такое объяснение возможно и безопасно. Признание человечности не требует возобновлять опасный контакт.

Если вы распространили неточное обобщение, исправьте его предметно, не требуя подтверждения своей доброты. Если человек сам называет важную принадлежность, не требуйте отказаться от неё ради признания. Уточняйте выбранный смысл и принимайте ограниченный ответ. Цель — различимость действий и обстоятельств, а не обязательная полная близость, окончательный портрет или обещание немедленного примирения всех участников.

Ключевая цитата

> *человеческое братство*

У. Э. Б. Дюбуа, «The Souls of Black Folk», глава I. Наш перевод короткого фрагмента о стремлении автора. Он сохраняет историческую принадлежность и не вводит обязанность стирать различия или вступать в небезопасные отношения.

Связи между традициями

Исторический политический голос Дюбуа и философский вопрос Джеймса относятся к разным предметам. Первый сохраняет опыт расового разделения; второй предлагает внимание к ограниченности понимания чужого смысла. Их сопоставление не уравнивает масштабы вреда и не превращает выбранные фрагменты в общую экспериментальную теорию.

Авторский пример доставки переносит вопросы в иной контекст, сохраняя предел. Действия требуют фактов, принадлежность может быть значимой, а дистанция совместима с достоинством. Это практическое различение, не доказательство полного согласия традиций и не замена исторического исследования.

Первоисточники

• B17-R-29-N01-S1. W. E. B. Du Bois. The Souls of Black Folk. Forethought; главы I и IX.
Прочитаны предисловие и выбранные отображённые контексты глав I и IX, не вся книга. Исторический политический и автобиографический голос; цитаты не взяты из вложенных стихотворений других авторов.

• B17-R-29-N01-S2. William James. Talks to Teachers on Psychology and to Students on Some of Life’s Ideals. Talks to Students, II, On a Certain Blindness in Human Beings.
Прочитаны начало и заключение выбранного очерка, не вся книга. Философская рамка, без прямой цитаты и современной диагностической квалификации.

Теги

дегуманизация, человек, категория, достоинство, принадлежность, действие, ответственность, обстоятельства, язык, описание, различимость, обобщение, факты, проверка, границы, дистанция, безопасность, сотрудничество, происхождение, культура, история, смысл, уважение, критика, исправление, традиции, философия, Дюбуа, Джеймс, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.